ORHEIUL VECHI
REZERVAȚIA CULTURAL-NATURALĂ

Institutul
de Cercetări
Bioarheologice
și Etnoculturale

Revista

de Arheologie, Antropologie și Studii interdisciplinare

Journal of Archaeology, Anthropology and Interdisciplinary Studies

3
2021

COLEGIUL EDITORIAL
Dr. hab. Valentin DERGACIOV, editor onorific (Republica Moldova)
Prof. Paul PETTITT, editor onorific (Marea Britanie)
Dr. Angela SIMALCSIK, editor responsabil (România, Republica Moldova)
Dr. Alin FRÎNCULEASA (România)
Dr. Cristian Eduard ȘTEFAN (România)
Dr. Daniel GARVĂN (România)
Dr. Denis TOPAL (Republica Moldova)
Dr. Bianca PREDA-BĂLĂNICĂ (Finlanda, România)
Dr. Adela KOVÁCS (România)

COLEGIUL DE REDACȚIE/PEER-REVIEW
Dr. Angela SIMALCSIK, redactor responsabil (România, Republica Moldova)
Prof. Paul PETTITT (Marea Britanie)
Dr. Denis TOPAL (Republica Moldova)
Dr. Adela KOVÁCS (România)
Dr. Gabriel VASILE (România)
Dr. Vasile DIACONU (România)
Dr. Bianca PREDA-BĂLĂNICĂ (Finlanda)
Dr. Vitalij S. SINIKA (Moldova)
Dr. Dorina ONICĂ (Republica Moldova)
Dr. Valentin DUMITRAȘCU (România)
Dr. Lucian MUNTEANU (România)
Cristina-Elena CORDOȘ (România)
Dr. Mariana COCIERU (Republica Moldova)
Dr. Ioan Sebastian BRUMĂ (România)
Dr. Lavinia GRUMEZA (România)
Dr. Ștefan HONCU (România)
Dr. Raluca KOGĂLNICEANU (România)
Dr. George Bodi (România)
Ion CIOBANU, secretar de redacție (Republica Moldova)
Dr. Alin FRÎNCULEASA (România)
Dr. Cristian Eduard ȘTEFAN (România)
Dr. Ștefan VASILE (România)
Dr. Daniel GARVĂN (România)
Dr. Roxana MUNTEANU (România)
Dr. doc. Oksana HRYTSYUTA (Ucraina)
Dr. Dmitriy KIRICENKO (Azerbaidjan)
Dr. Alexandru BERZOVAN (România)
Dr. Andrei COROBCEAN (Republica Moldova)
Marian LIE (România)
Dr. Lilia DERGACIOVA (România)
Dr. Robert Daniel SIMALCSIK (România)
Dr. Cătălin-George FEDOR (România)
Dr. Victor COJOCARU (România)
Dr. Bogdan HAIDUC (România)
Dr. Vlad VORNIC (Republica Moldova)

Alexandru KOVÁCS, traducător, corector (limba engleză, limba franceză, limba germană) (România)
Denis TOPAL, concept copertă (Republica Moldova)
Bianca PREDA-BĂLĂNICĂ, concept grafic (România)
Mihail BĂȚ, machetare și aranjare în pagină (Republica Moldova)
Ștefan VASILE, responsabil cu indexarea revistei (România)

Colegiul de redacție nu răspunde de opiniile exprimate de autori.
Editorial board is not reponsible for the opinions expressed by authors.

Toate lucrările publicate în Revista de Arheologie, Antropologie și Studii Interdisciplinare (RAASI) sunt recenzate de specialiști în domeniu (peer-reviewed journal).

Revista de Arheologie, Antropologie și Studii Interdisciplinare (RAASI) este publicația anuală a Institutului de Cercetări Bioarheologice și Etnoculturale (ICBE) din Chișinău.

Revista de Arheologie, Antropologie și Studii Interdisciplinare (RAASI) este indexată începând cu anul 2020 în baza de date internațională CEEOL.

CC BY NC SA

Editare și tipar: Bons Offices
ISSN 2587-3768
E-ISSN 2587-3776
Chișinău 2021

Cuprins

STUDII, MATERIALE ŞI NOTE

Adela Kovács, Ionela Luiza Melinte

Determinări dactiloscopice pe un vas ceramic aparținând culturii Cucuteni, faza A

Dactyloscopic analysis on a ceramic vessel belonging to Cucuteni culture, phase A 7

Кириченко Дмитрий А.

Обычай искусственной деформации головы (черепа) на территории Азербайджана, Кавказа и Ближнего Востока (неолит-халколит)

Obiceiul deformării artificiale a capului (craniului) pe teritoriul Azerbaidjanului, Caucazului și Orientului Apropiat (neolitic-eneolitic) // A custom of artificial head (cranial) deformation on the territory of Azerbaijan, Caucasus and Near East (Neolithic-Chalcolithic) 37

Ihor V. Pistruil, Oksana A. Hrytsiuta

Traceological study of lithic artefacts from the Mayaki settlement (Usatovskaya culture)

Studiul traseologic al pieselor din silex din așezarea Mayaki (cultura Usatovskaya) 57

Alin Frînculeasa, Octav Negrea, Cătălin Dîscă, Angela Simalcsik

Tumulul II de la Strejnicu (județul Prahova) – o prezentare arheologică și bio-antropologică

Archaeological and bio-anthropological research in mound II from Strejnicu (Prahova County) 67

Dmitriy A. Kirichenko

A new burial of the Late Phase of Kura-Araxes cultural tradition/ early kurgan tradition from Azerbaijan

O nouă descoperire funerară atribuită fazei târzii a tradiției culturale Kura-Araxes/tradiția tumulilor timpurii din Azerbaidjan 105

Cristian Eduard Ștefan

Așezarea de epoca bronzului de la Bălăceanca, județul Ilfov, România. Unele considerații privind cronologia absolută a culturii Tei

The Bronze Age settlement of Bălăceanca, Ilfov County, Romania. Some considerations about the absolute chronology of Tei culture 119

József Puskas, Lóránt Darvas

A Middle Bronze Age pit at Miercurea Ciuc/Csíkszereda - *Fodor-Kert* (Harghita County, Romania)

O groapă din perioada mijlocie a epocii bronzului de la Miercurea Ciuc/ Csíkszereda – Fodor-Kert (județul Harghita, România) 141

Vasile Diaconu, Mariana Sîrbu

Note about a Bronze Age hoard from the north of the Republic of Moldova and some considerations about the winged axes to the east of the Carpathians

Notă despre un depozit de bronzuri din nordul Republicii Moldova și câteva considerații despre topoarele cu aripioare de la est de Carpați 165

Shamil Najafov

The Tovuzchay I necropolis (Azerbaijan)

Necropola I de la Tovuzchay (Azerbaidjan) 173

Сапожников Игорь В.

Башня Неоптолема, Нижнеднестровский вал и Никоний по картам и разведкам середины XIX века

Turnul lui Neoptolem, valul Nistrului inferior și Nikonion conform hărților și sondajelor de la mijlocul secolului al XIX-lea (I. V. Sapozhnykov) // Tower of Neoptolemus, Lower Dniester rampart and Nikonion according to maps and surveys of the middle of the 19th century 191

Синика Виталий С., Лысенко Сергей Д., Разумов Сергей Н. Тельнов Николай П.

Скифские погребения в курганах группы «Плавни» на Нижнем Днестре

Morminte scitice din grupul tumular „Plavni" din regiunea Nistrului Inferior // Scythian graves in the "Plavni" ("Overflow") barrow group in the Lower Dniester region 221

Агульников Сергей М.

Могильник скифской культуры у села Казаклия, Республика Молдова

Necropola scitică de la Cazaclia, Republica Moldova // The Scythian necropolis of Cazaclia, Republic of Moldova 243

Lucian Munteanu, Lăcrămioara-Elena Istina

O monedă de tip „Adâncata-Mânăstirea" descoperită în situl de la Letea Veche (județul Bacău, România)

A coin of "Adâncata-Mânăstirea" type discovered in the site of Letea Veche (Bacău County, Romania) 273

Ștefan Honcu, Angela Simalcsik, Sergiu-Constantin Enea, Dumitru Boghian

Noi informații despre necropola „dacilor liberi" de la Costești-Baia, județul Iași, România

New information about the „free Dacian" necropolis from Costești-Baia, Iași County, Romania 283

George Dan Hânceanu, Angela Simalcsik
Inventar funerar „redescoperit" într-o urnă din necropola dacilor liberi de la Moldoveni, fost Porcești (punctul Dealul Gabăra), județul Neamț, România
Funeral inventory "rediscovered" in an urn from the necropolis of the free Dacians from Moldoveni, former Porcești (Dealul Gabăra point), Neamț County, Romania 299

Robert Daniel Simalcsik
Analiza sintetică a trei necropole birituale de secol IV d. Hr. din Podișul Central Moldovenesc: Polocin, Pogonești și Săbăoani
Synthetic analysis of three biritual necropolises from the 4th century AD from the Central Moldavian Plateau: Polocin, Pogonești, and Săbăoani 329

Gabriel Vasile
Cimitirul otoman de la Cheia Pazvant I (județul Constanța, România). Analiza osteologică a materialului scheletic uman
Ottoman cemetery from Cheia Pazvant (Constanța County, Romania). Osteological analysis of human skeletal material 339

Ștefan Honcu, Angela Simalcsik, Alexandru Berzovan, Robert Daniel Simalcsik
Mormântul medieval Cx 872 descoperit pe varianta ocolitoare a municipiului Bacău, România
Mediaeval grave Cx 872 discovered on the highway of Bacău, Romania 369

Catalin-George Fedor
Studiu de antropologie socială într-o comunitate aflată la confluența a două regiuni istorice ale României (partea a treia)
A social anthropology study in a community situated at the confluence of two Romanian historical regions (third part) 383

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE

Stanislav Țerna, Mariana Vasilache
Figurinele antropomorfe din etapa Cucuteni A din interfluviul pruto-nistrean / Anthropomorphic figurines from Cucuteni A stage from the Prut-Dniester interfluve
Cristian Eduard ȘTEFAN 388

Lista autorilor / List of authors 392

Башня Неоптолема, Нижнеднестровский вал и Никоний по картам и разведкам середины XIX века

Сапожников Игорь В.[1]

«А там, внизу, сапфиро-синь
Тяжёлой лентой, вольным лоном,
Течёт среди ночных пустынь
Днестр, нам представший Рубиконом»

П. П. Потёмкин «Переход»
Посвящается 140-летию со дня смерти
профессора П. В. Беккера (1808-1881)

Резюме. Традиционно проблемы античной географии Северного Причерноморья, в частности локализация населенных пунктов и других объектов, упоминаемых древними авторами, производилась кабинетными учеными «дистанционно», и только с начала XIX в. зародилась традиция поиска не только на старых картах, но и на местности. В самом конце 1840-х гг. одесский профессор П. В. Беккер провел одну из таких разведок, которая дала наиболее интересные и актуальные до сих пор результаты в двух районах: в бассейне Будакского лимана и на левом берегу Днестровского лимана от мыса Отарик до с. Бузиноватое (Роксоланы). Примечательно, что осенью 1852 г., по поручению Русского археологического общества, ее член А. А. Сибирский совершил инспекционную поездку в оба района и порекомендовал провести раскопки во втором из них, а именно на городище античного Никония. На эту цель были выделены средства, сами исследования не состоялись, но материалы археологических разведок обоих авторов до сих пор не получили должной научной оценки. Так, в первом районе П. В. Беккер описал остатки фундамента круглой башни, случайно найденной у южной окраины с. Беленькое, которую сопоставил с Башней Неоптолема. Тут же он зафиксировал остатки древнего римского вала, который сейчас называется Нижнеднестровским, и ряд курганов, в том числе крупнейший из них – Кишла (Попова Могила). Во втором районе ученый обследовал крупное городище, которое сопоставил с Никонием, выявил на нем массу находок, обработанных камней от построек и записал информацию, что ранее на нем находилась каменная башня. Позже А. С. Уваров и В. И. Гошкевич провели

[1] Отдел археологии Крыма и Северо-Западного Причерноморья Института археологии, Национальная Академия наук Украины, Киев, Украина; ssappog5@gmail.com

CC BY NC SA

здесь разведки и сняли планы местности, которые подтвердили правоту заключений П. В. Беккера, а также выявили на Никонии остатки оборонительной стены и башен, античный и римский некрополи.
Ключевые слова: античная география Северо-Западного Причерноморья, картография, локализация поселений и других объектов, профессор П. В. Беккер, разведки 1840-х гг., Башня Неоптолема, Гермонактово селение, Нижнеднестровский оборонительный вал, городище и некрополи Никония.

Tower of Neoptolemus, Lower Dniester rampart and Nikonion according to maps and surveys of the middle of the 19th century (*Igor V. Sapozhnykov*). The problems of ancient geography of the Northern Black Sea region, in particular the localization of settlements and other objectives mentioned by ancient authors, were traditionally carried out «remotely» by armchair scientists and only since the beginning of the 19th century. The tradition of their search was born not only on old maps, but also on the ground. One such survey was carried out at the end of 1840 by Professor P. V. Becker from Odessa, which gave the most interesting results in two areas: in the basin of the Budak estuary and on the left bank of the Dniester estuary from Cape Otarik to the village Buzinovatoie (Roksolany). It is noteworthy that in the fall of 1852, on behalf of the Russian Archaeological Society, its member A. A. Sibirskiy made an inspection trip to both areas and recommended excavations in one of them, at the ancient settlement of Nikoniy. Although these studies did not take place, the materials of these archaeological surveys, which are of certain interest, have not yet received proper scientific evaluation. So, in the first area P. V. Becker described the remains of a round tower, accidentally found on the southern outskirts of Belen'koe village, which he compared with the Tower of Neoptolemus. He immediately registered the remains of the ancient Roman rampart, which is now called the Lower Dniester rampart, and a number of barrows, including the largest of them – the Kishla (the Popova Mogila). In the second area, the scientist examined a large settlement, which he compared to Nikonion, revealed many artifacts, cut stones from buildings and he wrote down information regarding a former stone tower. Later A. S. Uvarov and V. I. Goshkevich conducted here surveys and made a plan of the place, which confirmed the correctness of P. V. Becker's conclusions, and also revealed the remains of a rampart and towers, antique and Roman necropolises on Nikonion.
Keywords*:* ancient geography of the North-Western Black Sea region, cartography, localization of the settlements and other sites, prof. P. V. Becker, surveys of the 1840s, Tower of Neoptolemus, Hermonaktov village, Lower Dniester rampart, settlement and necropolis of Nikonion.

Turnul lui Neoptolem, valul Nistrului inferior și Nikonion conform hărților și sondajelor de la mijlocul secolului al XIX-lea (*Igor V. Sapozhnykov*). În mod tradițional, problemele geografiei antice din regiunea nordică a Mării Negre, în special localizarea așezărilor și a altor obiective menționate de autorii antici, au fost realizate de oamenii de știință „de la distanță" și doar la începutul secolului al XIX-lea. Tradiția căutării și identificării acestora a început atât pe hărțile vechi, cât și pe teren. La sfârșitul anului 1840, prof. P. V. Becker, din Odesa, a efectuat o astfel de recunoaștere, care a dat cele mai interesante și relevante rezultate, de până acum, pentru bazinul estuarului Budak și malul stâng al estuarului Nistru, de la Capul Otarik, până la satul Buzinovatoie (Roksolany). În toamna anului 1852, în numele Societății Arheologice Ruse, care a alocat fonduri în acest scop, membrul său, A. A. Sibirskiy, a întreprins o călătorie de inspecție în ambele regiuni și a recomandat săpături în vechea așezare Nikonion. Deși aceste cercetări nu au mai avut loc, materialele, de un real interes științific, nu au fost valorificate corespunzător. Astfel, în prima zonă, P. V. Becker a descris resturile fundației unui turn rotund, găsit accidental în apropierea marginii sudice a satului Belen'koe, pe care l-a comparat cu Turnul lui Neoptolem. P. V. Becker a înregistrat imediat resturile unei vechi metereze romane,

care, în prezent este cunoscută drept valul Nistrului inferior, și o serie de movile funerare, inclusiv cea mai mare dintre ele – Kishla (Popova Movila). În a doua regiune, P. V. Becker a identificat și cercetat o așezare mare, pe care a comparat-o cu Nikonion; a scos la lumină numeroase artefacte, pietre prelucrate de la clădiri și a notat o serie de informații, conform cărora, într-o perioadă anterioară, aici exista un turn de piatră. Mai târziu, A. S. Uvarov și V. I. Goshkevich au efectuat câteva sondaje și au realizat planurile zonei, ceea ce a confirmat corectitudinea concluziilor lui P. V. Becker. Ei au scos la lumină resturile unui zid defensiv și ale unor turnuri, ale unor necropole antice și romane din Nikonion.
Cuvinte cheie: geografia antică a regiunii nord-vestice a Mării Negre, cartografie, localizarea așezărilor și a altor situri, prof. P. V. Becker, sondaje din anii 1840, Turnul lui Neoptolem, așezarea Hermonaktov, valul Nistrului inferior, așezarea și necropola Nikonion.

Введение

Античная география Северного Причерноморья привлекает ученых на протяжении столетий, но изыскания в этой области приводили к верным выводам чаще, когда выходили за стены кабинетов на берега рек и в степи края (Сапожников, Полевщикова 2005-2009). При этом заключения корифеев известны лучше, чем материалы их полевых работ. Так, многие археологи региона знают локализацию античных объектов из труда П. В. Беккера «Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена…», но результатам исследований, составивших эпизод «Раскопки П. В. Беккера» в истории Русского археологического общества (Веселовский 1900, с. 209-210), не было уделено внимания (Агбунов 1985, с. 51-71, 102-112 и др.). Данный историографо-картографический очерк посвящен материалам этих работ.

К сожалению, мы не знаем времени полевых исследований П. В. Беккера. Исходя из того, что первое издание его монографии с картой вышло в Одессе в 1851 г. (Беккер 1851)[2], а ее немецкий перевод опубликовали в престижной научной серии в 1852 г. (Becker 1852), рискну предположить, что это могло случиться не позднее весны-лета 1850 г. Датировка этих разведок важна потому, что в 1848 г. в окрестностях Никония побывала экспедиция, снявшая план «Днестр. Часть имения гр. Малаховской» (Уваров 1853, табл. XXXI). Позже граф А. С. Уваров привел описание этой местности в основном по работе П. В. Беккера 1851-1853 гг. (Уваров 1856, с. 150-151).

После публикации книги в Санкт-Петербурге П. В. Беккер «в начале 1852 г. обратился в министерство народного просвещения с просьбой оказать ему денежное пособие на раскопки с целью открытия башни Неоптолема и города Никониума, так как археологические разыскания по

[2] На тот момент Павел Васильевич был директором 2-й Одесской гимназии, профессором римской словесности Ришельевского лицея, членом ООИД и членом-корреспондентом Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества.

черноморскому побережью навели его, Беккера, на следы этих памятников. Записка была рассмотрена академиком [Л. Э.] Стефани, который, хотя и не совсем согласился с представлениями Беккера насчет результатов, коих можно ожидать от раскопок в указанных им местах, но полагал, что исследования, особенно в том пункте, где по предположению Беккера, стоял древний Никониум, могут принести для науки важную пользу. Так как в министерстве не оказалось свободных сумм, из которых можно было бы выдать Беккеру пособие, то министр народного просвещения отношением от 29 февраля 1852 г. довел до сведения Русского археологического Общества о предложениях Беккера. Общее собрание в заседании 20 марта 1852 г. постановило поручить отделению Западной и классической археологии рассмотреть доводы Беккера и затем сообщить собранию свои заключения по этому предмету. При обсуждении этого вопроса… в заседании 2 мая 1852 г. управляющий отделением граф А. С. Строганов предложил от себя 300 руб. на раскопки Беккера, а так как в то время камер-юнкер кн. А. А. Сибирский, состоявший при Кабинете его величества, собирался ехать на юг, то отделение поручило ему войти в сношение с Беккером и передать ему пожертвованную... Вмешательство князя Сибирского не принесло пользу делу. Из отчета его, прочитанного им в общем собрании 19 февраля 1853 г., видим, что кн. Сибирский старался отклонить Беккера от мысли производить раскопки на месте предполагаемой башни Неоптолема, а предлагал ему обратить внимание на археологическое разъяснение местности при Отарике. На это Беккер заявил, что он не предвидит возможности начать правильные раскопки в нынешнем году и просил выдать ему из назначенной суммы 100 руб. на случай, если бы служебные обязанности уделили ему время на исследование местности предполагаемого Никониума. Эту просьбу кн. Сибирский выполнил... На этом предприятие остановилось, не принеся никаких результатов, да едва ли граф Строганов мог быть доволен сделанной князем Сибирским экономией» (Веселовский 1900, с. 209-210).

Таков ход так называемых «раскопок Беккера», а их финал описал участник событий, потомок хана Кучума, князь А. А. Сибирский: «Письмо г. Беккера и расписку в получении 100 руб. при сем [отчете] прилагаю. Остальные же 200 руб. будут возвращены мною графу Строганову, по возвращении его из чужих краев, для распоряжения по собственному усмотрению» (Отчет 1856, с. 42-43). В отличие от П. В. Беккера, этот персонаж с полевой археологией региона до сих пор не связывался. Этот отставной офицер собирал и публиковал античные, в основном боспорские монеты, а в 1852 г. был членом-основателем Русского археологического общества (с 1846 г.), служил в министерстве внутренних дел и сопровождал в Керчь

Л. А. Перовского – председателя Комиссии для расследования древностей (в 1859 г. стала Императорской археологической), который хотел упорядочить изыскания в этом регионе (Веселовский 1900, с. 34-36). А. А. Сибирский в названном и следующем году раскопал семь курганов с драгоценностями у Феодосии (Тункина 2011, с. 189-223), но о иных его раскопках ничего не известно. Исходя из того, что нумизмат провел свои первые раскопки 18-20 августа 1852 г. в Феодосии (Петрова 2019, с. 601), можно заключить, что после этого он отправился в Одессу[3], где встретился с П. В. Беккером и откуда выезжал на берега Днестра (Отчет 1856).

Данные полевые работы велись в двух районах. Первый связан с упомянутыми древними авторами Башней Неоптолема, Гермонактовым селением и побережьем Будакского лимана, а второй – с городом Никонием и левым берегом Днестровского лимана. Для их привязок П. В. Беккер пользовался в основном картой Е. П. Манганари «Днестровский лиман» из «Атласа Черного моря» 1841 г. (Карта 1830) и отчасти «Генеральной картой Бессарабской области» Б. Я. Эйтнера (Карта 1843). На базе первой из них и других карт того же атласа он создал «Карту берегов Понта Эвксинского между Истром и Борисфеном» (**Рис. 1**). Теперь опишем и прокомментируем материалы П. В. Беккера и А. А. Сибирского по районам, проиллюстрировав их этими и другими картами.

I. Район Башни Неоптолема, Гермонактового селения и Нижнеднестровского вала

При описании местности П. В. Беккер использовал термины *Будацкий*, *Днестровский*[4] (**Рис. 1**) и *Кимбецкий* лиманы. Под *Кимбецким* (Шаболатским) лиманом понимался залив Будакского лимана. Правый (юго-западный) берег залива назывался *южным*, а левый (северо-восточный) – *северным* (Беккер 1853, с.171-173 и др.). Что касается земель района, то в 1840-х гг. правобережье Шаболатского залива входило частную земельную «дачу вдовы подполковника Арсеньева», на которой были помещичья усадьба и немецкая колония Шабалат, а его левобережье и правый берег Днестровского лимана – в состав государственного участка посада Шабо. Между ними, с севера до верха залива вклинивался еще один участок земли, приписанный к швейцарско-немецкой колонии Шабо (**Рис. 1**; **2**; **6**).

Автор написал, «что на берегах Кимбецкого лимана, до устроения нынешних деревень *Кимбети* [Акимбет] и *Арсеньевой* [Шаболат], уже были

[3] Хотя А. А. Сибирский написал для «Записок» ООИД три статьи (опубликованы в тт. V 1863 г. и X 1877 г.), членом этой организации он почему-то не стал.

[4] Здесь и далее курсив мой – И. С.

поселения; ибо кроме двух упомянутых селений, находятся еще на южном и северном берегах этого лимана следы двух древних татарских деревень. Действительность их существования доказывается ямами, вырытыми для хранения хлеба, как это обыкновенно и теперь еще делают татары». В другом месте он заметил: «Выше Шабы [к Аккерману] есть ясные следы большой татарской деревни и, более по направлению к морю, на восточной стороне означенной колонии, находятся также остатки подобных поселений»[5].

П. В. Беккер сообщил также, что «в этой стране не редки и курганы, и между ними отличается величиною особенно тот, который лежит внизу [ниже по берегу от посада] Шабы, и швейцарскими колонистами обозначается простым названием «*le Mont*» [Гора][6]. Правда, все это доказывает, что эта страна была обитаема уже за несколько столетий ранее, но, при всем том не должно думать, что эти остатки восходят до времен греков и римлян» (Беккер 1853, с. 171, 173).

Еще одним памятником района оказался древний вал, о котором П. В. Беккер сказал: «Никто из древних писателей не говорит, чтобы на этом месте находился лиман [Будакский] и даже Страбон, столь точный во всем, упоминает только о двух озерах между Дунаем и Днестром, прилежащих к Истру. Остатки *нижнего Траянова вала*, простирающегося вдоль прибрежной возвышенности от северной оконечности Кимбецкого лимана до входа в Днестровский лиман[7], делают правдоподобным предположение, что земля, находящаяся ниже этой возвышенности, в древние времена не существовала. Напротив того, этот же самый вал находится ближе воды, простираясь вдоль берегов Днестровского лимана, и не везде следует возвышенности как на приморском берегу; а из этого вытекает, что в течение веков правый берег Днестровского лимана не так много переменился, как берег морской». В другом месте он пишет, что и на южном берегу Кимбецкого лимана, «вблизи развалин татарской деревни, там находящейся, и теперь еще видны следы так называемого *нижнего Троянова вала*, который мог служить защитой этому селу» (Беккер 1853, с. 168, 173-174).

Последним открытым здесь памятником, остатки которого П. В. Беккер не видел, а описал со слов пастора колонии Шабо Ф. Л. Бюньона, стала

[5] Еще ранее близ Шабалатского и Алибейского озер были видны «явныя остатки городищ, разрушенных колодцев и фонтанов, престарелые деревья, особенно шелковичные и пр., теперь безъимянные, а мы считаем их пепелищем многих ногайских селений» (Скальковский 1848, с. 49).

[6] Привязка туманна. Вероятно, речь идет о кургане Могила Кишла (Рис. 3 и др.; См. ниже).

[7] В конце 1950-х гг. урочище (балку) к юго-востоку от современного с. Прибрежное местные жители называли «Змеевым» (Черняков 1960, с. 213), что явно происходит от Змеевого (Нижнеднестровского) вала.

Башня Неоптолема: «Один поселянин, пострадавший от неурожая хлеба в предыдущем году, и желавший снова поправить свои обстоятельства посредством значительнейших посевов в текущем году, начал обрабатывать поле на том месте, где, по моему мнению, должна была находиться башня, и при том по той причине, что эта земля прежде никогда еще не была обрабатываема[8]. Вспахивая землю, он задел плугом за что-то твердое; это был камень. Такое явление на этой некаменистой почве показалось столь удивительным и необыкновенным, что поселянин, заменив тотчас плуг лопатой, вырыл камень и заметил, что возле него лежит другой. Вынув этот камень и увидев, что к нему примыкал еще другой, он продолжал работу, и таким образом нашел, что камни скрывались в земле в виде круга. Когда камни мало-помалу вынуты были, которых чернота доказывала, что они находились под землей в течение многих столетий, то не только существование башни на этом месте сделалось несомненным, но и точнее можно было определить величину ее. По показанию пастора Бюньона, эта неожиданно вновь открытая башня имеет в поперечнике от четырех до пяти саженей [от 8,6 до 10,8 м], а что эта башня есть древняя греческая, которую уже давно ученые тщетно искали, это подтверждается глиняными черепками, вырытыми вместе с камнями; несколько из них доставлено мне по благорасположению пастора... Такая счастливая находка была необходима для того, чтобы вполне подтвердить справедливость моих соображений о местоположении Неоптолемовой башни» (Беккер 1853, с. 171-172).

Осенью 1852 г., спустя более двух лет после открытия «следов древнего здания» А. А. Сибирский застал такую картину: «Выем этого камня на постройки колонистов образовал на совершенно гладком северном берегу Кимбецкого лимана круглый ров, вблизи которого видна еще продолговатая небольшая насыпь, на которой вероятно стояло какое-нибудь жилище. Вот все, что остается от предполагаемой башни Неоптолема: кругом совершенно гладкая степь. Нельзя не заметить, что южный берег Кимбецкого лимана возвышен более северного, и следовательно мог быть удобнее для построения здания, служившего маяком для древних мореходцев; но северный берег, при более твердом грунте, неподверженном обвалам, имеет почти столько же обширный вид на море и на обе стороны прибрежья… Точное сведение о положении башни Неоптолема важно для определения по этому месту других пунктов древней географии. Но ожидать здесь находок археологических или каких-нибудь точных подтверждений, что это есть именно искомый

[8] Речь идет о 1849 неурожайном году (Томулец 2003, с. 189, табл. 5), следовательно события имели место весной 1850 г., а сам П. В. Беккер побывал на Будакском лимане еще ранее.

пункт, очевидно невозможно. Те даже камни основания, которые время скрывало под ровной поверхностью степи и которые могли быть только случайно обнаружены сохой пахаря, и их тут даже нет; они все расхищены и оставленный ими неглубокий ров скоро сгладится совершенно» (Отчет 1856, с. 41-42).

В итоге П. В. Беккер заключил: «Итак, мы полагаем, что селение Гермонакса находилось именно на северном берегу Кимбецкого лимана, близ башни Неоптолемовой, местоположение которой уже определено со всей точностью» (Беккер 1853, с. 174). На его карте видно, что башня стоит на правом берегу Будакского лимана и на первом мысу от Шабалатского залива (ныне стрелка мыса занята юго-восточной окраиной с. Беленькое, а на противоположном мысу ученый поместил местечко Эполиум), а Гермонактово поселение – на следующем мысу к востоку (**Рис. 1**).

Этим, собственно, и исчерпываются материалы разведок П. В. Беккера и А. А. Сибирского в этом районе, но отнюдь не заканчивается информация, содержащаяся на топографических морских картах, часть которых могла быть доступна обоим исследователям. Так, еще в 1828 г. была создана «Карта Бессарабии, собственно так называемой или Буджака», по которой можно определить названия и точное местоположение руин двух татарских аулов, упомянутых П. В. Беккером. Первым из них были *Кадыешты* на правом, а вторым *Малый Катаржи* на левом берегу Шабалата (**Рис. 2**; Карта 1828). На той же карте отмечен отрезок Нижнеднестровского вала от северо-восточного мыса Шаболата до урочища Бугаз на Днестровском лимане (**Рис. 2**). Подчеркну, что слова П. В. Беккера о наличии данного вала от юго-западного мыса по берегу почти до аула Кадыешты обосновывает продолжение трассы этого памятника римской фортификации еще на 4-5 км, почти до с. Чабанского (**Рис. 2**; Сапожников 2013, с. 345-348).

Не менее интересна следующая по дате карта «Днестровский лиман» С. Радионова. По своей археологической наполненности она выгодно отличается от своей предшественницы работы Е. П. Манганари (**Рис. 3**), но практически не известна[9]. На ней присутствует часть Нижнеднестровского вала с подквадратным укреплением на мысу Кишла, курганы, в том числе упомянутый П. В. Беккером курган *Гора* (Могила Кишла), и отражена геоморфологическая ситуация (Карта 1844; **Рис. 5**).

Если говорить о курганах, то в данном районе их исследовали не мало, в основном на правом берегу Шаболатского залива, где первую неудачную

[9] Ее фрагмент приведен в книге о римском Никонии, в которой карта неправильно атрибутирована и датирована (см. ниже). Она действительно есть во втором издании «Атласа Черного моря», но чаще встречается отдельными листами (Бруяко и др. 2008, с. 11, рис. 2).

попытку раскопок одной насыпи А. С. Уваров предпринял в 1848 г.[10] Примерно в же время, в четырех верстах от того места, крестьяне при обработке полей нашли возле другого кургана две известковые плиты (одну с изображением), под которыми лежали два лошадиных черепа (Уваров 1856, с. 181). Позже автор предположил, что эти находки могли быть связаны с районом Могилы Кишла (Сапожников 2018, с. 126-127).

Этот самый крупный курган района раскопали в 1997 г., когда его оставшаяся после разрушения часть имела диаметр 60-70 м, высоту 7-8 м, а начальная высота оценивалась в 10 м[11] (Рябова, Супрунов 1998, с. 67; Черняков 2004, с. 12). Во второй половине XIX-XX в. он был известен как *курган мыса Кишла* или *Попова Могила* и служил створным знаком для входа судов в Днестровский лиман (Возобновление 1864; Сапожников 2013, с. 346; 2018, с. 124)[12]. В ходе раскопок искомые могилы киммерийских царей не нашлись, а были выявлены каменные конструкции и погребения, начиная с эпохи энеолита (Черняков 2004). В поле кургана был каменный жертвенник, возле которого оказалось скопление керамики середины IV в. до РХ, а также остатки человеческого жертвоприношения в яме. Кроме фантастических гипотез, раскопщики высказали мысль о том, что это святилище принадлежало Гермонактовому селению, которое вместе с Башней Неоптолема находилось примерно в 1 км на север от Могилы Кишлы (Рябова, Супрунов 1998).

Местность близ кургана известна не только Нижнеднестровским валом, но и другими находками. В 1866 г. Ф. А. Струве в ходе поездки в район Шабо получил для Одесского музея древностей окатанный фрагмент плиты с древнегреческой надписью. Он был найден в песчаном кургане у Бугаза, в полутора верстах от карантина [Цареградского гирла], и автор допустил, что артефакт попал туда с какого-то поселения неподалеку (Струве 1867, с. 608). Судя по упоминанию песчаной насыпи и привязке, находку можно связать с косой лимана, а точнее – с районом ериков для ловли кефали (Сапожников 2018, с. 127). Если же расстояние уменьшено, привязка приведет нас на берег мыса Кишлы, где расположено поселение Затока I (**Рис. 5**).

[10] Автор так и не смог установить, предшествовали работы А. С. Уварова в регионе разведкам П. В. Беккера или наоборот.

[11] Судя по диаметру и топографическим картам, цифра преувеличена и составляла в начале XX в. около 7,5-7,6 м (Рис. 7).

[12] Авторы раскопок ввели курган в научный оборот под именем Аккембецкий, опираясь на статью П. О. Карышковского (1966, с. 160), но, скорее всего, эта ошибка ранее вкралась в литературу, так как на другой карте «Атласа Черного моря» с. Акембет отмечено неверно (Карта 1835; Рис. 4; Сравн. с Рис. 2 и 5). Не исключено, что изменение названия «Попова Могила» вызвано еще и тем, что на момент раскопок курган находился под охраной, а позднее получил статус «объекта культурного наследия национального значения» (Постанова 2009).

Его выявили в 1957 г., датировав IV-II вв. до н.э. (Клейман, Ревенко 1959, с. 120-121). Вскоре его осмотрел И. Т. Черняков, сообщивший, что в 1950-1958 гг. при плантажной вспашке под виноградник участка к северу от урочища Змеевое встречались строительные остатки и керамика V-I вв. до н.э. (Черняков 1960, с. 213). В итоге, в ходе исследований А. Г. Сальникова, С. Б. Охотникова, А. Е. Малюкевича и др. на площади 650х250 м были выявлены следы построек и материалы, датирующиеся от конца V до первой половины II в. до н.э. (с перерывом). Допускается, что «благополучное существование» Тиры в III и большей части II в. до н.э. «действительно была обеспечена вполне, в том числе и наличием маяка на створе Тираса» (Бруяко, Малюкевич 2009, с. 180, 198 и др.).

В наши дни на берегах Будакского лимана и Шаболатского залива известно восемь поселений (вместе с Затокой I). Из них с упомянутыми объектами связаны: *Беленькое II* – открыто И. Т. Черняковым в 1960 г. на вершине мыса, образованного берегом Будакского лимана и левым берегом Шабалатского залива, в 1,0 км к югу от окраины села; *Беленькое I* – открыто С. Б. Охотниковым в 1977 г. на мысу левого берега Шабалатского залива, образованным правым берегом впадающей балки, в 0,5 км к юго-востоку от села (которое уже разраслось); *Сергеевка* – выявлено И. Т. Черняковым в 1960 г. на мысу, образованном правым берегом Шабалатского залива и впадающей в него балкой, на территории санатория (Черняков 1961, с. 13-14; Охотников 1978, с. 104-105). Все они относятся к IV-III вв. до н.э. и имеют прямое отношение к работам П. В. Беккера: на месте первого выявлены остатки каменной башни и локализирована Башня Неоптолема, место второго связано с Гермонактовым селением, а третьего – с Эполиумом (**Рис. 1**), но, возможно, и с Башней Неоптолема (см. выше).

В 2020 г. автор осмотрел места всех трех поселений, из которых одно (*Сергеевка*) полностью застроено и огорожено, поверхность *Беленького II* была занята насаждениями, а осмотр *Беленького I* дал следующие результаты. На его юго-восточной окраине отмечено окончание Нижнеднестровского вала (46°02’19.2”N 30°23’55.3”E), которое представляет собой овальное в плане расширение до 8-10 м, высотой до 1,0 м, изрытое «свежими» окопами. В 50 м к северу от него, на верхней точке мыса есть возвышение размерами около 40х20 м, высотой до 0,5 м. На последнем найдены фрагменты красноглиняных амфор, костей животных и другой керамики, в частности обломок плоской профилированной ручки краснолакового сосуда (Сапожников 2020).

Теперь рассмотрим гипотезу А. Е. Малюкевича, который в ходе охранных работ на Затоке I 1989-1990-х гг. открыл в стенке обводного канала рыбзавода остатки каменных жилого здания и квадратной башни размерами 7,3х7,3 м

при толщине стен около 1,4 м. Это строение IV в. до н.э. он интерпретировал как маяк и заявил, что нашел остатки Башни Неоптолема, располагавшейся на территории селения Гермонакта (Малюкевич 1991). Не вступая в дискуссию, подчеркну – древние авторы не писали, что башня была маяком, но если искать место для морского маяка в районе поселения Затока I (Бруяко, Малюкевич 2009, с. 198), то на его роль лучше подошел бы курган Могила Кишла с античным жертвенником (с абс. отметкой вершины около +23 м; **Рис. 7**), а не башня, стоящая на берегу Будакского лимана, имеющего высоту 2-3 м над водой.

Завершая очерк о первом районе работ П. В. Беккера, скажу о выводах своего учителя П. О. Карышковского 1960-х гг., которые опирались на широкую фактологическую базу. По Гермонактовому селению я могу лишь согласиться с его привязкой к поселению Затока I. Что касается Башни Неоптолема, то ее локализация на поселении Беленькое II (Карышковский 1966, с. 160-161) вероятна, хотя, если объект был маяком, то его следовало бы поставить на более высокий мыс, образованный коренным берегом Будакского лимана и Шаболатским заливом (где расположено поселение Сергеевка).

II. Городище Никоний и его округа

Переходя к описанию разведок П. В. Беккера в районе античного города Никоний на левом берегу Днестровского лимана, подчеркну, что в середине XIX в. найти его не представляло никакого труда, так как к тому времени он уже почти полвека был отмечен на «Подробной карте Российской империи и близлежащих заграничных владений» (Карта 1805; **Рис. 9**).

Не оценивая этого факта, замечу, что П. В. Беккер так видел свою задачу: «Итак…, мы должны искать Никониум выше теперешней деревни Бузиноватой, а потому *нам остается* только *доказать*, *что этот древний город* действительно *находится между Бузиноватой* [Роксоланами] *и селением Отариком* [не существует], лежащим немного ближе к Овидиополю, на том же берегу Днестровского лимана». Теперь подробно изложим его наблюдения, так как они требуют анализа и комментариев: «Число остатков греческой древности более и менее увеличивается вдоль по берегу лимана от Бузиноватой до *Отарика* и в самом большем количестве они находятся именно на том месте, которое называется там *Отаричком*, и лежит ровно на половине дороги между Бузиноватою и Отариком. *Местность* эта требует точного описания, тем более что она вовсе необитаема и *не многим известна под именем Отаричка*.

Итак представим себе четырехугольник величиной до двух десятин, к северной стороне которого, склоняясь, примыкает степь; этот четырехугольник на юге образует собой обрывистый берег лимана, лежащего

ниже саженей на десять, а с двух прочих сторон он ограничивается двумя глубокими оврагами, из коих восточный, по направлению к Бузиноватой, имеет в ширину до 110 шагов, между тем как ширина западного оврага, обращенного к Отарику, равняется, у берегов лимана, не более 60 шагам. Описанный нами четырехугольник был, кажется, главным местом древней Никонии, потому что под слоем золистой земли, толщиной со стороны лимана более чем на сажень, найдено в последние годы и несколько хорошо сохранившихся сосудов (амфор), и множество обделанных, готовых уже для постройки камней. На почве этого четырехугольника находится весьма много различных обломков, чем она чрезвычайно сходствует с почвой Ольвийской. Касательно камней годных к употреблению, то из них верхние, удобнее вырываемые, служили на новые постройки во всей окрестности.

Я слышал от нынешнего владельца Бузиноватой И. Ф. Малаховского, с особенным усердием способствовавшего мне в моих розысканиях, что весь дом его в этой деревне построен из камней, вырытых в описанном нами четырехугольнике, из которого, по его же словам, и прежде добывали много обделанного уже камня. Вообразим себе, что все эти камни, употребленные теперь на различные постройки в окрестностях, опять перенесены на прежнее место в этот четырехугольник: тогда покажется очень вероятным существование здесь древнего города.

Впрочем, это подтверждается еще словами одного старожила, рассказывавшего мне, что уже давно тому назад он видел на этом четырехугольнике остатки древней башни. Простодушие этого рассказчика, не имевшего никаких поводов представлять дело в превратном виде, дает мне некоторое право верить его словам, тем более что этот четырехугольник, кажется, представляет собою очень удобное место для укрепления, и найденные в нем сосуды были вынуты из действительно и теперь еще существующей возвышенности; следовательно, очень вероятно, что в древней Никонии здесь находилась башня, построенная для защиты города, лежащего позади. Итак, если и верить вообще авторитету Брониовиуса, то мы понимаем слова его так, как и Кёлер, и относим их к башне Никонии, которая во времена этого путешественника [Мартина Броневского] может быть еще довольно хорошо сохранилась[13].

Местоположение города Никониума не ограничивалось одним этим четырехугольником, что доказывают холмы, находящиеся в северной стороне на немного возвышенной плоскости. Кто знает курганы нашей

[13] Речь идет об академике Генрихе Карле Эрнсте (Егоре Егорьевиче) Кёлере и его работе «Заметки об островах и посвященном Ахиллу беге в Понте Эвксинском» (Kôller1826).

страны, тот должен сознаться, что они не имеют никакого сходства с этими холмами и сочтет их остатками древнего города. Посему нет сомнения, что этот четырехугольник и земля, позади него находящаяся, составляли некогда главную часть древнего города, который впрочем, распространялся еще дальше; в этом убеждают нас как обломки сосудов, встречаемые здесь на всем пространстве до Бузиноватой и далее за нею, так и обделанные уже камни, найденные в самом лимане между Бузиноватой и четырехугольником, и служившие, по-видимому, на постройку прежней пристани города Никониума. Что касается до вышеупомянутых сосудов, найденных в этом четырехугольнике в последние годы, то нужно заметить, что некоторые из них были вырыты людьми, однако же большая часть появилась на поверхность земли действием самой природы… (Беккер 1853, с.177-179).

А. А. Сибирский в целом согласился с этими выводами, добавив, что на склоне степи «видны впадины и холмы искусственного образования, которые разительно отличаются от глади окружающей степи и обозначают следы поселения. Подобный пример бугроватой, изрытой местности особенно поразителен в Ольвии, на склоне горы, от южной стороны народной площади. Как и в Ольвии, местность усеяна черепицами и битою посудой; но этих обломков здесь, конечно, не так много, как там, и притом это простая, грубая глина. На склоне степи должно полагать поселение города; четырехугольник же или Отаричек, мог быть только укреплением… Обрывистые склоны оврагов и крутой берег лимана, смываемые дождевыми ключами, образуют обвалы, и в этих местах земля испещрена битыми обломками. Достигнув одного из этих, едва доступных обвалов, я нашел несколько кусков тонкой глазированной посуды бесспорно греческого изделия. Один из этих обломков представляет часть вазы с красным рисунком по черному полю. Эта первая находка, обличающая греческое поселение, вручена мною г. Беккеру. Как на четырехугольнике, так и на местности, примыкающей с севера, замечено мною несколько курганов. Все сие делает это место весьма интересным и для исследования и удостоверения, действительно ли это поселение принадлежало древней Никонии. Конечно, нельзя ожидать здесь особенно важных находок. Близость Тираса, затмевая Никонию, ставила ее в разряд второстепенных незначительных городов, жизнь которых не проявляется большим блеском искусств и роскоши. Но определение настоящего положения города и те древности, которые могут быть найдены в соседственном ему поселении, заслуживают розысканий на этой местности» (Отчет 1856, с. 40-41).

Начнем анализ текстов с развенчивания мифов. Недавно на основании первого из них появился такой пассаж: «Еще в XIV – XVI вв. развалины

Никония упоминаются различными путешественниками. Наиболее полное их описание оставил польский дипломат Мартин Броневский. В составе посольства Стефана Батория ко двору крымского хана в 1578-1579 гг. он проезжал через местность, где некогда располагался древний город и видел башню – часть оборонительных сооружений города, которая к тому времени еще хорошо сохранилась» (Бруяко и др. 2008, с. 7, 9).

Сразу же скажу, что о свидетельствах XIV-XV вв. не известно ничего, а М. Броневский дословно написал: «При самом устье Тираса, или Днестра, находится каменная башня, называемая *Неоптолемовою башнею* и селение Гермонакта; а по обеим сторонам Днестра, два города, из которых, как видно из Страбона, лежащий по правую сторону [смотря от моря] называется Никониею, а лежащий по левую, Офиуссою. Насупротив находится Маякская переправа, чрез которую из Белгорода судами можно переплыть к степям Белогородским и Очаковским. Говорят, что там жил какой-то воин, *по имени Маяк*; и *в том месте, за Днестром, на берегу видны развалины каменных стен, и как будто других строений*. Страбон говорит, что это была Неоптолемова башня»[14] (Описание 1867, с. 335-336).

Как видим, он описал каменные руины, в том числе мечети и, возможно, крепости, которые находились на нижней и верхней террасах левого берега Днестра близ переправы (ныне моста) в с. Маяки (Сапожников 2017, с. 20-22, рис. 5; 2019, с. 88-90). Это видно и на карте «Chersonesus Tavricae sev peninsula», входящей в его книгу (Broniovii1595), так как башня обозначена на реке, близ Маякской дороги (**Рис. 8**). Согласие П. В. Беккера с мнением Е. Е. Кёлера озадачивает, так как последний помещал башню Неоптолема и Гермонактово селение на левом берегу лимана у с. Бугаз, а Никоний – на мысу Коса Велика у с. Николаевка (Kôller 1826, p. 580, 662 и др., Tabl. XXIII). Автор этих строк не отрицает наличия на Никонии оборонительных каменных стен и башен, а также рвов (Синицын, 1966, с. 44-45), но, как будет показано ниже, они никак не связаны ни с Е. Е. Кёлером, ни с *одесскими*, ни с «польскими интересами в Северном Причерноморье» (Mielczarek 1997).

Продолжая тему картографии, приведу слова уже знакомых авторов: «самый ранний топографический план, на котором зафиксировано место расположения древнего Никония, был снят группой русских военных гидрографов и топографов под руководством морского офицера, капитана Е. Манганари» в 20-30-е гг. XIX в., что проиллюстрировано фрагментом морской карты… К сожалению, масштаб съемки не позволяет различать ландшафтные детали городища» (Бруяко и др. 2008, с. 11, рис. 2).

[14] «Acin eo loco Nestro traiecto in ripa lapidei parietes ruinosi, & quasi quaedam ruinae apparent, eam ruinam Turrim Ncoptolemi fuisse Srrabo resert» (Broniovii 1595, p. 2).

Разберемся с этим детальнее. Во-первых, Е. П. Манганари снимал не *топопланы*, а морские карты и в данном районе отметил лишь курган Отарикский (**Рис. 10**). Во-вторых, на карте С. Радионова (Карта 1844), которой оперируют авторы (см. выше), берег показан подробнее: есть мысы Отарчик (городище Никоний), Малый Отарик (поселение Никоний Мыс) и Большой Отарик с хутором Отарик, что соответствует номенклатуре топонимов П. В. Беккера. Это не удивительно, так как карта снималась в начале 1840-х гг. В-третьих, возле городища отмечено 11 небольших насыпей в группе и более крупный курган у с. Бузиноватое (**Рис. 11**). В целом морская карта 1844 г. информативна для археологов и издана в пристойном масштабе (одна морская миля в дюйме или 1 : 58464). Критики же могли найти ее качественную копию. А что до приоритета исследователей, то уже говорилось, что городище Никоний отмечено на карте, снятой в 1801-1804 гг. (**Рис. 9**; Карта 1805).

Следующий по дате план района создан в 1848 г. Он хорошо известен, хотя не понятно, был он снят до или после разведок П. В. Беккера. По А. С. Уварову: «на плане XXXI видны два большие кургана, ограничивающие с севера и с юга (не доходя деревни Бузиноватой) местность, покрытую курганами и изобилующую обломками древних амфор и сосудов. Тут, в окрестностях хуторов, лежащих у самого лимана, в крутом утесистом берегу находимы были часто целые амфоры и разные сосуды из красной глины. Напротив оврага, лежащего к северу, начинается группа курганов **b**, которая простирается к востоку, и у группы **a** видны следы, походящие на городок или следы строения» (Уваров 1853, с. 150).

Без сомнения, северный курган – это Могила Отарикская, а южный – курган №1 античного некрополя Никония, частично исследованный в 1971 г. (Загинайло 1972). Всего, без предыдущих, к востоку и северо-востоку от городища отмечено курганов: 12-13 (в группе **b)** и 22-23 (в группе **a)**, но смысл слова *городок* не понятен, возможно там встречались какие-то остатки, например камни. Еще две насыпи отмечены в западной части городища, но не исключено, что эти возвышения являются разобранными на камень башнями, одну из которых упомянул информатор П. В. Беккера (**Рис. 12**).

Очередной является «Военно-топографическая карта» (трехверстовка), а именно ее лист XXXI-9 из первого издания 1855 г. альбома «Херсонская губерния» (Карта 1855). Никонийские мысы на ней не прорисованы, но поблизости отмечено до 30 курганов. Большинство находится в крупном скоплении к северу – северо-востоку – востоку от городища, но три насыпи (в том числе упомянутый курган №1), стояли отдельно и сейчас находятся на территории усадебной застройки с. Роксоланы, причем две меньшие из них отсутствуют на других картах (**Рис. 13**). Эта карта, снятая в конце 1840-х

гг., не использовалась авторами работ об античном и римском некрополях Никония (Бруяко и др. 2008; 2016), наверное, также из-за недостаточного «масштаба съемки».

Вероятно, по той же причине не был использован еще одним документ (Бруяко и др. 2008, с. 15), хотя он является *первым специальным планом городища Никоний*. План выполнен в 1910 г. (Гошкевич 1911, с. 153) в масштабе 40 саженей в дюйме или 33,3 м в 1 см[15] и вскоре опубликован (Гошкевич 1912, рис. 13), хотя более известен по второй публикации, где снят ряд обозначений (Фабрициус 1951, рис. 1). На копии оригинального плана видно, что в то время на городище был разбит виноградник (А), находились баштан (Б) и даже «хлебное поле» (В). Вдоль западного края городища виден гребень (по линии север-юг), в южной части которого отмечена «куча камней, извлеченных из древних зданий» (б; возможно, руины одной из упомянутых башен; см. выше), а севернее – «следы каменной стены» (в, в). Кроме того, В. И. Гошкевич отметил могильник из более чем 20 овальных курганов разных размеров, расположенных в основном к востоку, но и к западу от оврага (**Рис. 14**).

Примечательно, что в 1991-1999 гг. в первой локации, по две стороны от древней дороги, раскопали часть некрополя римского времени, заявив, что он был «открыт в 1991 году» (Бруяко и др. 2008; с. 81, рис. 42). Похоже, что ради этого заявления и было приуменьшено значение данного плана и других работ В. И. Гошкевича (Записка 1909; Гошкевич 1911; 1912). Вместе с тем, это не помешало имярек взять нужные факты из работ других авторов, приведя некорректные ссылки, как в случае с «древней дорогой»[16].

Еще одно утверждение И. В. Бруяко, что «направление и протяженность [дороги] реконструированы по данным аэрофотосъемки» (Бруяко и др. 2009, с. 213, 81) также вызывает сомнения, так как «две ложбины», идущие от края оврага к северо-востоку и юго-западу, М. С. Синицын отметил в конце 1950-х гг. Есть свидетельства, что первая дорога в начале имела каменную вымостку шириной около 3,0 м, прослеженную на протяжении 15-20 м (Синицын 1966, с. 9). Искусственная ложбина от северо-западной дороги до сих пор видна в рельефе, там, где не была уничтожена раскопками некрополя. При этом исследователь, который высказал скепсис по отношению к большинству дореволюционных карт и плану района, сам нанес городище и оба некрополя Никония на мелкомасштабную топооснову 1970 г. с ошибками (курган №1 находился южнее, на территории усадеб с. Роксоланы, курган №2 на месте

[15] Что крупнее использованной оппонентами карты Генштаба СССР 1970 г. (L36-61-г, 250 м в см).

[16] В. И. Гошкевич написал о ней «как будто улице» в другой работе (Фабрициус 1912, с. 12), а статьи с шифром «Гошкевич 1904» о Никонии не существует.

предыдущего)[17], а курганы античного некрополя изображены на двух планах по-разному (Сравн.: Бруяко и др. 2008, рис. 1; с Бруяко и др. 2016, рис. 2).

Здесь следует подчеркнуть высокую информативность полевых разведок П. В. Беккера в окрестностях Никония. Благодаря им, наблюдениям других авторов и картографическим материалам XIX - начала XX в. была получена общая планиграфия этого района, а именно локализировано само городище и башни на нем, два участка античного курганного могильника и локации римского некрополя. К сожалению, все эти материалы не были должным образом проанализированы и оценены. Имеющиеся же на сегодня экскурсы в картографию Никония, как было показано выше, можно оценить лишь как не совсем удачные, тем более что по этой теме имеется широкий круг источников, особенно поздних. Таким образом, полную публикацию картографических материалов района с точки зрения археологии еще предстоит выполнить, а их анализ, вместе с применением современных методов ГИС, несомненно даст свои результаты.

Заключение

Подводя итоги, замечу, что еще полтора века тому назад важность разведки П. В. Беккера и перспективы дальнейших полевых исследований региона оценил историк и археолог, академик Петербургской Академии Наук Н. П. Кондаков: «Позволяю себе указать вновь на настоятельную потребность строго ученой проверки на месте всех предположений о различных местностях Днестровского побережья, которые, на основании исторических свидетельств, могут представить следы классической культуры в этом крае. Таковыми местностями представляются Аккерман, его окрестности, противоположный ему Овидиполь, село Коротное и место нахождения (по Беккеру) так называемой Неоптолемовой башни» (Кондаков 1876, с. 24).

Как видим, время в полной мере подтвердило правоту этих прозорливых слов, а нам и нашим последователям остается идти дальше по пути новых поисков, не забывая при этом заслуг первопроходцев, но детально и вдумчиво изучая их труды, чтобы не присвоить себе (вольно или невольно – осознанно или по незнанию) их открытий.

[17] Автор утверждает это со всей ответственностью, так как в 1973 г., будучи лаборантом по хозтеме Одесского университета им. И. И. Мечникова, участвовал в раскопках трех курганов близ с. Каролино-Бугаз насыпи №3 у Никония (Загинайло 1974), с абс. отметкой +52,4 м. Исследованиями последней руководил А. Г. Загинайло, участвовали Н. М. Секерская, И. Кольцова и др., а И. Т. Черняков и Л. В. Субботин «руководящих функций» (Бруяко и др. 2016, с. 278) не имели, так как в течение нескольких часов провели на месте работ как гости.

Библиография

Агбунов 1985: М. В. Агбунов, *Загадки Понта Эвксинского (Античная география Северо-Западного Причерноморья),* Москва, 1985.

Беккер 1851: П. Беккер, *Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена в отношении к древним его колониям*, Одесса, 1851.

Беккер 1853: П. В. Беккер, *Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена, в отношении к его древним колониям*, Записки Одесского Общества Истории и Древностей III, 1853, с. 151-209. Приложение: Таблица IV «Карта берегов Понта Эвксинского между Истром и Борисфеном».

Бруяко и др. 2008: И. В. Бруяко, А. Н. Дзиговский, Н. М. Секерская, *Никоний римской эпохи*, Измаил, 2008.

Бруяко и др. 2016: И. В. Бруяко, А. Г. Загинайло, А. Н. Колесниченко, *Некрополь древнегреческого Никония (материалы к изучению)*, Stratum plus 3, 2016, с. 277-307.

Бруяко, Малюкевич 2009: И. В. Бруяко, А. Е. Малюкевич, *Поселение Затока I («Гермонактова деревня») в Нижнем Поднестровье (характеристика материалов)*, Материалы по Археологии Северного Причерноморья 9, 2009, с.180-201.

Веселовский 1900: Н. И. Веселовский, *История Императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования, 1846-1896*, Санкт-Петербург, 1900.

Возобновление 1864: *Возобновление сломанного створного знака Цареградского устья Днестровского лимана*, Морской Сборник 7, 1864, с. 121-122.

Гошкевич 1911: В. И. Гошкевич, *Археологическая хроника. Херсонская губерния*, Известия Императорской Археологической Комиссии, Прибавление к выпуску 39, 1911, с. 153-154.

Гошкевич 1912: В. И. Гошкевич, *Развалины города Никония*, в: В. И. Гошкевич (ред.), *Летопись музея за 1909, 1910 и 1911 годы*, Выпуск 2, Херсон, 1912, с. 22-24.

Записка 1909: *Записка В. И. Гошкевича*, *Древности*, Труды Московского Археологического Общества XXII, Выпуск 1, 1909, с. 176-189.

Загинайло 1972: А. Г. Загинайло, *Отчет о раскопках Никония в 1971 г.*, Одесса, 1972., Научный Архив Института Археологии Национальной Академии Наук Украины, инв. №1971/71.

Загинайло 1974: А. Г. Загинайло, *Отчет о раскопках Никония в 1973 г.*, Одесса, 1974, Научный архив Института Археологии Национальной Академии Наук Украины, инв. №1973/107.

Карышковский 1966: П. О. Карышковский, *К вопросу о древнем названии Роксоланского городища*, Материалы по Археологии Северного Причерноморья 5, 1966, с. 142-162.

Клейман, Ревенко 1959: І. Б. Клейман, К. І. Ревенко, *Археологічні спостереження на західному березі Дністровського лиману*, Материалы по Археологии Северного Причорноморья 2, 1959, с. 118-121.

Кондаков 1876: Н. П. Кондаков,*О некоторых мелких предметах древности, найденных в Аккермане в 1876 г.*, Труды II Археологического Съезда, Часть 1, Санкт-Петербург, 1876, с. 20-24.

Малюкевич 1991: А. Е. Малюкевич, *Открытие башни Неоптолема*, в: А. Г. Загинайло (отв. ред.), *Древнее Причерноморье. II чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского*, Одесса, 1991, с. 117-118.

Описание 1867: *Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского*, Записки Одесского Общества Истории и Древностей VI, 1867, с. 333-367.

Отчет 1856: *Отчет чл.[ена]-осн.[ователя] кн.[язя] А. А. Сибирского, о предположениях Г. Беккера о древней Никонии и башне Неоптолема*, Записки Одесского Общества Истории и Древностей VIII, 1856, с. 38-43 (Приложение).

Охотников 1978: с. Б. Охотников, *Археологическая карта Нижнего Поднестровья в античную эпоху 1978 (VI-III вв. до н.э.)*, в: Г. А. Дзис-Райко, *Материалы по Археологии Северного Причерноморья*, Киев, 1978, с. 101-122.

Петрова 2019: Э. Б. Петрова, *О начальном периоде археологических исследований в Феодосии: Вильнев, Сибирский, Айвазовский*, Проблемы Истории, Филологии, Культуры 4 (66), 2019, с. 598-609.

Постанова 2009: *Постанова Кабінету міністрів України від 3 вересня 2009 р. №928 «Про занесення об'єктів культурної спадщини національного значення до Державного реєстру нерухомих пам'яток України*, Урядовий кур'єр 23.09.2009, 174, инд. 150009-Н.

Рябова, Супрунов 1998: В. О. Рябова, А. В. Супрунов, *Жертовник IV ст. до н.е у кургані біля Гермонактового селища та башти Неоптолема у гирлі Тірасу*, Музейні Читання, без №, 1998, с. 66-71.

Сапожников 2013: И. Сапожников, *Новые картографические материалы о древних валах Бессарабии*, Tyragetia (s.n.) VII [XXII], 1, 2013, с. 345-354.

Сапожников 2017: И. Сапожников, *Мечети XVII-XVIII вв. Буго-Днестровского междуречья*, Південний захід. Одесика 23, 2017, с. 8-34.

Сапожников 2018: И. Сапожников, *Начала изучения курганов Буджака: историография и картография*, Tyragetia (s.n.). XII [XXVII], 1, 2018, с. 121-139.

Сапожников 2019: И. Сапожников, *Карты и планы Буго-Днестровской части Причерноморья последней трети XVIII века как археологические источники*, Scriptorium nostrum 1 (12), 2019, с. 81-110.

Сапожников 2020: И. Сапожников, *Нижнеднестровский (Змеевый) вал – часть лимеса Римской империи: картографо-археологическое исследование*, Tyragetia (s.n.) XIV [XXIX], 1, 2020, с. 215-236.

Сапожников, Полевщикова 2005-2009: И. В. Сапожников, Е. В. Полевщикова, *Шарль де Пейсонель и его вклад в изучение античной географии Северо-Западного Причерноморья*, Stratum plus 4, 2005-2009, с. 464-475.

Синицын 1966: М. с. Синицын, *Раскопки городища возле с. Роксоланы Беляевского района Одесской области в 1957-1961 гг.*, Материалы по Археологии Северного Причерноморья 5, 1966, с. 5-56.

Скальковский 1848: А. Скальковский, *Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае*, Одесса, 1848.

Струве 1867: О. Струве, *Археологические заметки по поводу посещения Аккермана и его окрестностей в летнее время 1866 года*, Записки Одесского Общества Истории и Древностей VI, 1867, с. 605-611.

Томулец 2003: В. Н. Томулец, *Значение торговли в приобщении Бессарабии к общероссийскому рынку (1812-1868 гг.)*, Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету. Серія Історія 5, 2003, с. 182-195.

Тункина 2011: И. В. Тункина, *Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей*, Киев, 2011.

Уваров 1853: А. Уваров, *Собрание карт и рисунков к «Исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря»*, Санкт-Петербург, 1853.

Уваров 1856: А. Уваров, *Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря*, Выпуск 2, Санкт-Петербург, 1856.

Фабрициус 1951: И. В. Фабрициус, *Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР*, Выпуск I, Киев, 1951.

Черняков 1960: И. Т. Черняков, *Археологическая разведка берегов Днестровского лимана*, Записки Одесского Археологического Общества I, 1960, с. 209-218.

Черняков 1961: И. Т. Черняков, *Археологическая разведка 1960 г. в приморской части междуречья Дуная и Днестра*, Краткие Сообщения Одесского Государственного Археологического Музея Национальной Академии Наук Украины за 1960, Одесса, 1961, с. 9-18.

Черняков 2004: І. Т. Черняков, *Аккембецький курган*, в: М. Ю. Відейко (гол. ред.), *Енциклопедія Трипільської цивілізації*, Т. 2, Київ, 2004, с. 11-13.

Becker 1852: P. Becker, *Die Gestade des Pontus Euxinus vom Ister bis Borysthenes in Bezug auf die im Altertume dort gelegenen Kolonien,* St. Petersburg, 1852 (Mémoires de la Société Impériale d'archéologie, Bd. V-VI, 1851-1852).

Kôller 1826: H. Kôller, *Mémoire sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pout Euxin*, Mémoires de l'Académie impériale de St. Pétersbourg X, 1826, p. 531-819.

Mielczarek 1997: M. Mielczarek, *Polish interest in the ancient northern Black Sea coast. At outline*, in: M. Mielczarek, S. B. Okhotnikov, N. V. Sekunda (eds.), *Nikonion. An ancient city on the Lower Dniester. Commemorative paper for the 40-th anniversary of the archaeological excavations at Nikonion*, Toruń, 1997, p. 36-41.

Основные использованные карты

Карта 1805: «*Подробная карта Российской империи и близлежащих заграничных владений*». Ч. X, л. 29.

Карта 1828: «*Карта Бессарабии, собственно так называемой или Буджака, представляющая 1-е: земли отмежеванные под выгон к городам и к соляным озерам, а также отведенные для казенных селений, немецких и задунайских колоний; 2-е: участки населенных земель, принадлежащих казне; 3-е: пустопорожние земли, Всемилостивейше пожалованные частным лицам; 4-е: владения, принадлежащие духовенству; 5-е: земли спорные с казною. Составлена с 1822 по 1828 г.*». Рукоп. в цвете, М 5 верст в дюйме, 92×176 см (Рукописное отделение Российской Национальной Библиотеки, Санкт-Петербург, ф. 342, д. 447).

Карта 1830: «*Днестровский лиман*» капитан-лейтенанта Е. Манганари. 1830». М 1 морс. миля в дюйме (1 : 58464; «*Атлас Черного моря*». Николаев: Гидрогр. Черном. депо, 1841 г., л. 22).

Карта 1835: «*Карта части западного берега Черного моря от Одессы до мысы Калиакры. Описи капитан-лейтенанта Манганари. 1835*». (М5, 67 ит. миль в дюйме или 1 : 414363,6). В: «*Атлас Черного моря*», Николаев, 1841 г. и позд. изд., л. 10.

Карта 1843: «*Генеральная карта Бессарабской области, изданная с дозволения Главного штаба… бессарабским областным землемером, надворным советником Эйтнером 1843*» (М 10 верст в дюйме или 1 : 420 000).

Карта 1844: «*Днестровский лиман*» штабс-капитана С. Радионова (М 1 м. миля в дюйме или 1 : 58464). Николаев, 1844.

Карта 1855: «*Военно-топографическая карта*», Лист XXXI-9. (М 3 версты в дюйме или 1 : 126 000. Первое «губернское» изд. 1855 г.).

Рис. 1. «Карта берегов Понта Эвксинского между Истром и Борисфеном» П. В. Беккера (фрагмент)
Pl. 1. "Map of the shores of Pontus Euxinsky between Istros and Borisfenes" of P. V. Becker (fragment)

Рис. 2. Будакский и Днестровский лиманы в 1828 г. (Карта 1828, фрагмент)
Pl. 2. Budaksky and Dnestrovsky estuaries in 1828 (Map 1828, fragment)

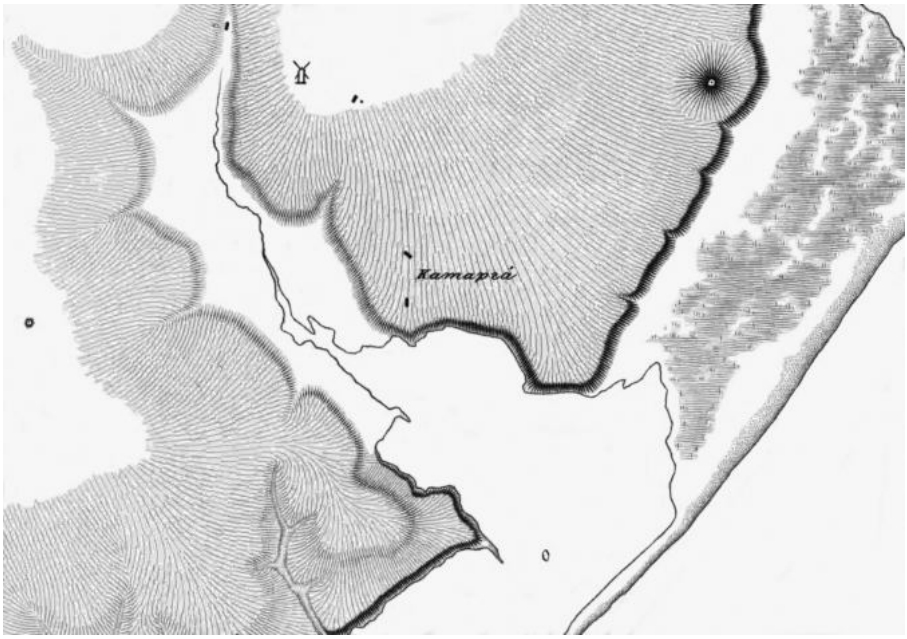

Рис. 3. Будакский лиман и Шаболатский залив в 1830 г. (Карта 1830, фрагмент)
Pl. 3. Budak estuary and Shabolatsky bay in 1830 (Map 1830, fragment)

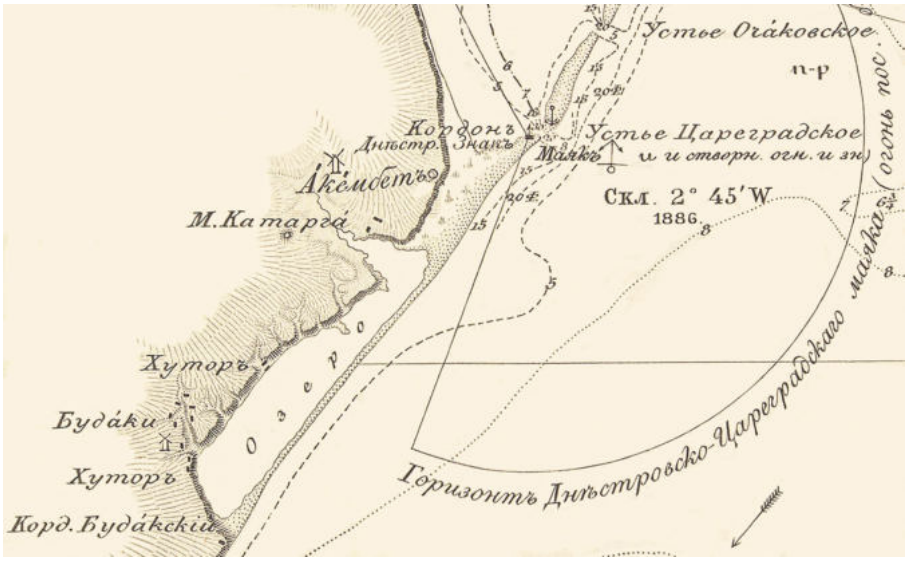

Рис. 4. Будакский лиман с окрестностями в 1835 г. (Карта 1835, фрагмент)
Pl. 4. Budak estuary with its surroundings in 1835 (Map 1835, fragment)

Рис. 5. Берега Будакского лимана в 1844 г. (Карта 1844, фрагмент)
Pl. 5. The shores of the Budak estuary in 1844 (Map 1844, fragment)

Рис. 6. Земельные дачи района Будакского лимана в 1843 г. (Карта 1843, фрагмент)
Pl. 6. Land cottages of the Budak estuary region in 1843 (Map 1843, fragment)

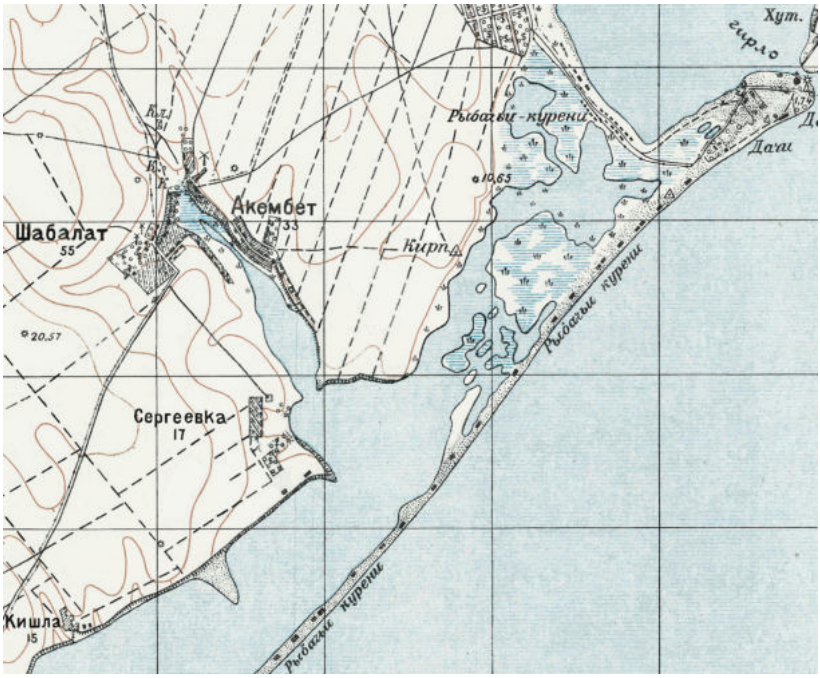

Рис. 7. Будакский лиман в 1916 г. (лист XLVII-30 двухверстовой карты 1916 г., фрагмент)
Pl. 7. Budak estuary in 1916 (sheet XLVII-30 of a two-verst map of 1916, fragment)

Рис. 8. Башня Неоптолема на карте М. Броневского 1595 г. (фрагмент)
Pl. 8. Tower of Neoptolemus on the map of M. Bronevsky 1595 (fragment)

Рис. 9. Старое Городище в 1805 г. (Карта 1805, фрагмент)
Pl. 9. "Old Settlement" in 1805 (Map 1805, fragment)

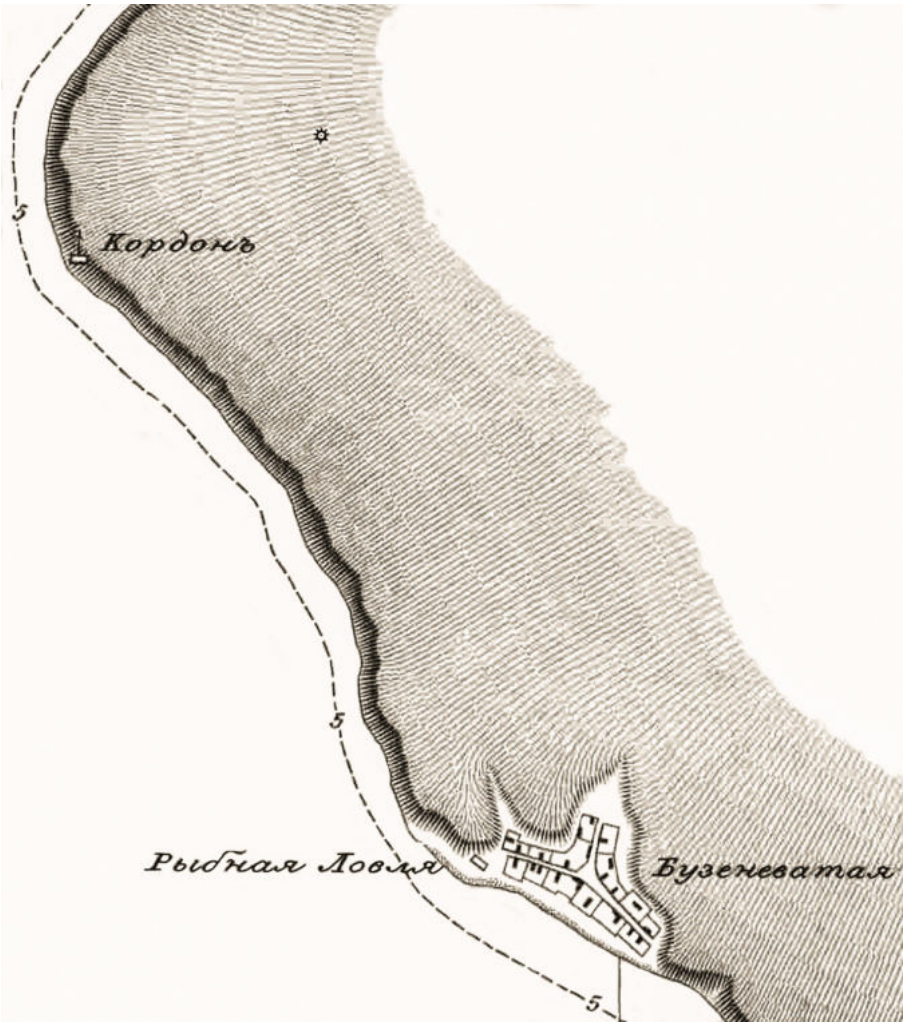

Рис. 10. Район мыса Отрик на Днестровском лимане в 1830 г. (Карта 1830, фрагмент)
Pl. 10. The area of Cape Otrik on the Dniester estuary in 1830 (Map 1830, fragment)

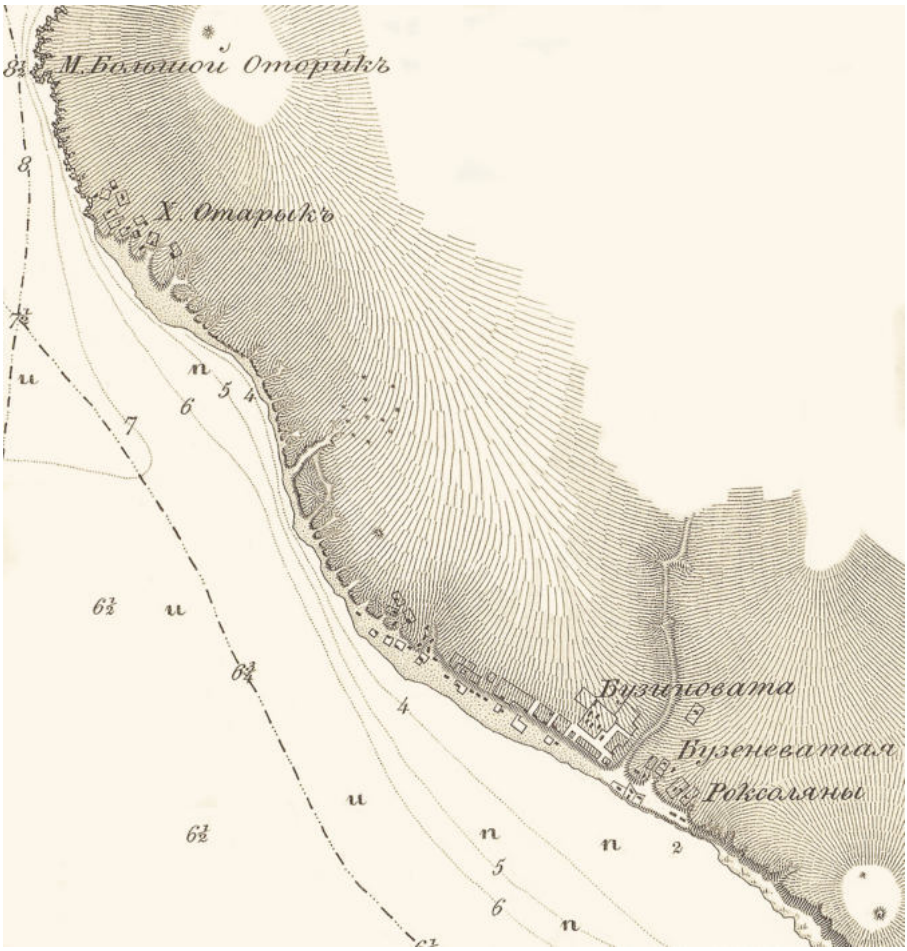

Рис. 11. Левый берег Днестровского лимана в 1844 г. (Карта 1844, фрагмент)
Pl. 11. The left bank of the Dniester estuary in 1844 (Map 1844, fragment)

Рис. 12. Район городища Никоний в 1848 г. (Уваров 1856, Табл. XXXI)
Pl. 12. The area of the settlement Nikoniy in 1848 (Уваров 1856, Table XXXI)

Рис. 13. Район городища Никоний в 1851 г.
(Лист XXXI-9 трехверстовой карты, фрагмент)
Pl. 13. The area of the settlement Nikoniy around 1850
(Sheet XXXI-9 of a three verst map, fragment)

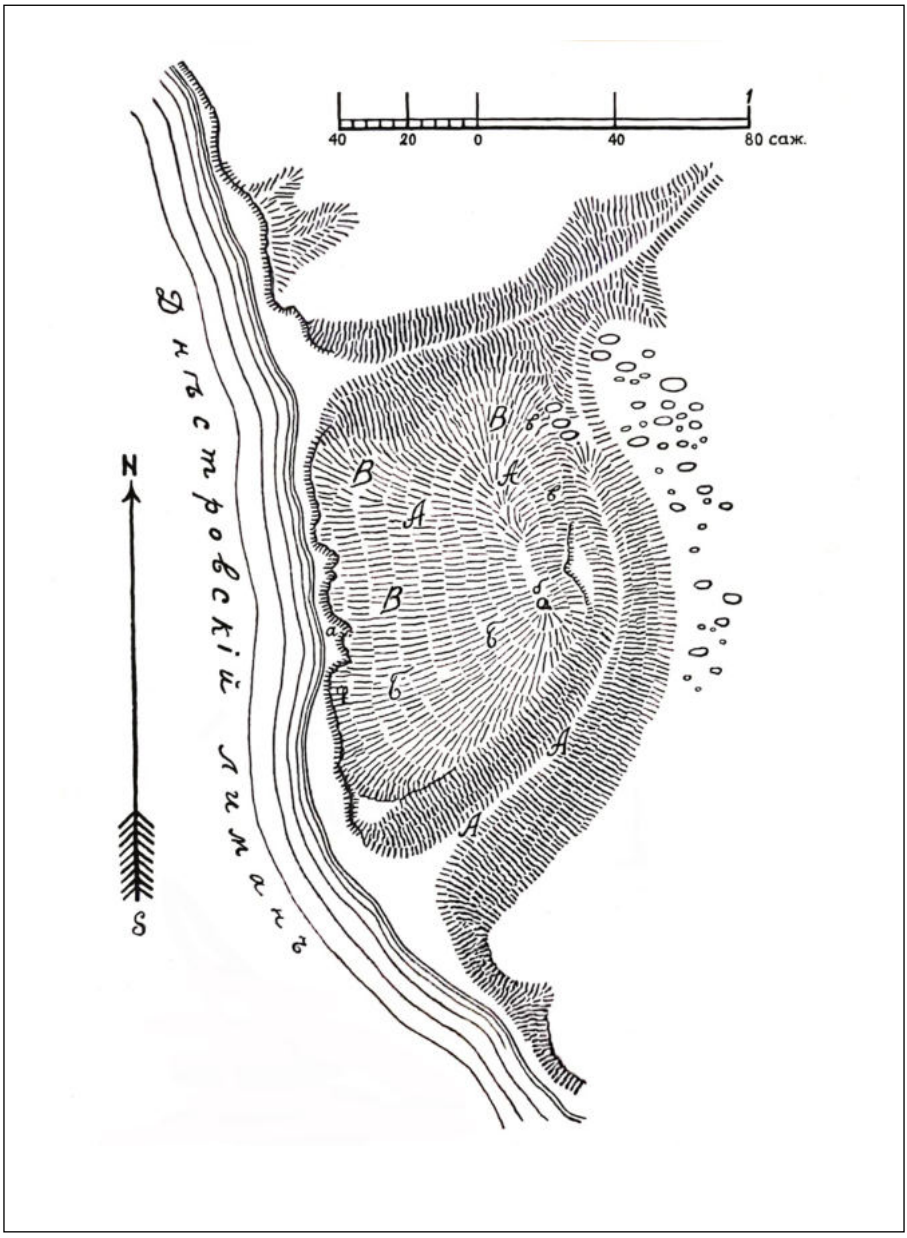

Рис. 14. План городища Никоний 1910 г. (Гошкевич 1911, с. 153)
Pl. 14. Plan of the settlement Nikoniy 1910 (Гошкевич 1911, p. 153)